

Хелен Плакроуз

Критика Циничные теории

Как все стали спорить о расе,
гендере и идентичности
и что в этом плохого

18+

Джеймс Линдси

Джеймс Линдси

**Циничные теории. Как все
стали спорить о расе, гендере и
идентичности и что в этом плохого**

«Individuum»

2020

УДК 316.324.8
ББК 60.521.2

Линдси Д.

Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого / Д. Линдси — «Individuum», 2020

ISBN 978-5-6046877-2-7

Гендер, деколонизация, привилегии, фэтшейминг. Попад из академических статей в повседневный обиход, эти слова все сильнее влияют на наше восприятие мира. Но откуда они вообще взялись? Их источник – россыпь критических теорий, возникших в ходе постмодернистского поворота с его проблематизацией власти, знания и истины. Ничто – от секса и учебников истории до медицинских диагнозов и архитектуры – не может укрыться от активистов, задавшихся миссией выявить и уничтожить любые формы угнетения. Хелен Плакроуз и Джеймс Линдси считают, что, несмотря на благое желание сделать мир чуточку справедливее, критические теории с их практически религиозным рвением и черно-белым восприятием мира представляют угрозу как для академии, так и для общества. «Циничные теории» – это кропотливый и бойкий разбор основных постулатов «активистской науки», ее внутренней логики и противоречий. Эта книга поможет погрузиться в современный интеллектуальный контекст, понять, чем руководствуются стороны культурных войн, и не теряться в спорах на ускользающие от понимания темы.

УДК 316.324.8
ББК 60.521.2

ISBN 978-5-6046877-2-7

© Линдси Д., 2020

© Individuum, 2020

Содержание

Введение	7
1. Постмодернизм	14
Предпосылки, принципы и сюжеты постмодернизма	17
Два принципа и четыре сюжета	23
Постмодернистский принцип знания	24
Постмодернистский политический принцип	28
Разве постмодернизм не мертв?	33
2. Прикладной поворот постмодернизма	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Хелен Плакроуз, Джеймс Линдси

Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в ЭТОМ плохого

*Моему мужу Дэвиду, благодаря которому все стало возможно,
и моей дочери Люси, которая больше ничего не хочет слышать о
постмодернизме. Моя работа сделана.*

*Моей жене Хизер, которая хотела простой жизни и никогда не
узнала бы, что все это существует.*

Helen Pluckrose & James Lindsay

Cynical Theories

*How Activist Scholarship Made Everything about Race, Genders, and Identity – and Why This
Harms Everybody*

Copyright © 2020 by Helen Pluckrose and James Lindsay

© Д. Виноградов, перевод, 2022

© ООО «Индивидуум Принт», 2022

Введение

В эпоху модерности¹, особенно в последние два столетия, большинство западных стран объединила общая политическая философия, известная под названием либерализм. Основные постулаты либерализма – политическая демократия, ограничение власти государства, универсальные права человека, правовое равенство для всех дееспособных граждан, свобода слова, уважение к многообразию точек зрения и открытой дискуссии, доказательный метод и рациональное мышление, отделение церкви от государства и свобода вероисповедания. Со временем эти либеральные ценности превратились в идеалы; потребовались столетия борьбы против теократии, рабства, патриархата, колониализма, фашизма и многих других форм дискриминации, чтобы мы начали ценить их так, как ценим сегодня (хотя и этого недостаточно). Наибольших успехов борьба за социальную справедливость добивалась, когда поднимала на знамя универсальные либеральные ценности и настаивала, что те принадлежат каждому, а не только обеспеченным белым мужчинам. Следует отметить, что общая философская позиция, которую мы называем либерализмом, совместима с широким спектром мнений по политическим, экономическим и социальным вопросам, включая как те, что американцы называют либеральными (а европейцы – социал-демократическими), так и умеренные разновидности того, что повсюду зовется консерватизмом. Либеральная философия противостоит авторитарным движениям всех мастей, будь то левые или правые, светские или теократические. Таким образом, либерализм лучше всего рассматривать как систему, помогающую представителям разных политических, экономических и социальных взглядов разрешать конфликты и рационально дискутировать по поводу тех или иных правительственных мер.

Однако мы достигли исторического момента, когда идеи либерализма и модерности, лежащие в основе западной цивилизации, находятся под серьезной угрозой. Природа этой угрозы сложна, поскольку она представляет собой результат сокрушительного натиска как минимум двух сил – революционной и реакционной, схватившихся между собой за право определить, в каком иллиберальном направлении двигаться нашему обществу. По всему миру поднимают голову правые популистские движения, мнящие себя последним рубежом защиты либерализма и демократии от надвигающейся волны прогрессивизма и глобализма. Они все чаще возводят на трон диктаторов и авторитариев, способных защитить и сохранить «западный» суверенитет и ценности. Тем временем крайне левые апологеты социального и морального прогресса выставляют себя единственными и праведными поборниками пути развития, без которого демократия бессмысленна и бесплодна. Провозглашая либерализм формой угнетения и отвергая его на этом основании, левые радикалы не просто насаждают свои ценности революционным путем. Для закрепления своей догматической фундаменталистской идеологии общественного устройства они прибегают ко все более авторитарным методам. Каждая из противоборствующих сторон видит в другой экзистенциальную угрозу – тем самым они лишь еще сильнее распаляют друг друга. Эта культурная война разразилась с такой интенсивностью, что в начале XXI века обретает статус определяющего фактора политической – а все чаще и социальной – жизни.

Опасность справа весьма существенна и сама по себе заслуживает тщательного изучения, но мы предпочли разложить по полочкам происходящее на противоположном краю спектра. Отчасти наш выбор обусловлен следующим: хотя каждая из сторон толкает своего противника в пучину безумия и подстегивает его радикализацию, мы считаем, что тенденция на левом

¹ Используемый автором термин «modernity», обычно обозначающий период с XVII века и до наших дней (в некоторых вариантах – до середины или последней четверти XX века), переводят по-разному; среди основных вариантов – «модерность» или «современность». В этой книге будет использовано определение «модерность». – *Прим. ред.*

фланге представляет собой результат отклонения от его исторической позиции силы и разума, то есть либерализма. Именно либерализм – залог существования наших светских демократических обществ. Как нам уже доводилось писать, корень проблемы кроется в том, что:

Прогрессивные левые соотнесли себя не с модерностью, а с постмодернизмом, отвергающим объективную истину как вымысел, придуманный наивными и/или высокомерно-невежественными мыслителями эпохи Просвещения, недооценившими побочные эффекты прогресса².

Изучению проблемы постмодернизма – не только в том виде, в котором он первоначально возник в 1960-х, но и во всех тех формах, которые он приобретал в ходе своего развития на протяжении последних пятидесяти лет, – мы и уделили наше внимание в этой книге. Постмодернизм породил одну из наименее толерантных и наиболее авторитарных идеологий с момента повсеместного упадка коммунизма, краха идей белого превосходства и колониализма (либо сам таковой является – зависит от вашей точки зрения). Зародившись в тиши университетских кабинетов как интеллектуальная реакция на эти события, начиная с 1960-х он стал активно набирать популярность в академии, среди активистов, бюрократов и работников начального, среднего и высшего образования. Впоследствии постмодернизм настолько основательно распространился в более широких слоях общества, что сегодня, пока мы со скрежетом вкатываемся в третье десятилетие XXI века, наш социополитический ландшафт в основном и состоит из него и из реакций на него (как разумных, так и радикальных).

Номинально это движение служит масштабному делу «социальной справедливости», и именно от этого возникшего почти двести лет назад термина и заимствует свое название. В различные эпохи у разных мыслителей этот термин приобретал разнообразные значения, но все они в той или иной степени были связаны с устранением или исправлением социального неравенства, в частности когда оно касается класса, расы, гендера, пола и сексуальности и не может быть преодолено инструментами системы правосудия. Возможно, наиболее известен в этой связи либеральный прогрессивный философ Джон Ролз, внесший ключевой вклад в направление философии, посвященное условиям достижения социальной справедливости. В универсалистском мыслительном эксперименте Ролза справедливое общество – это то, в котором индивид, имея право выбора, был бы одинаково счастлив родиться в любой социальной среде или с любой групповой идентичностью³. Вошел в обиход (особенно с середины XX века) и другой, подчеркнуто антилиберальный и антиуниверсальный подход к достижению социальной справедливости, укорененный в *критической теории*. Критическая теория прежде всего нацеливается на обнаружение скрытых предубеждений и необоснованных допущений, обычно выявляя так называемую проблематику, под которой понимаются нарушения работы общества и организующих его систем.

В некотором смысле постмодернизм ответвился от этого критического подхода, какое-то время шел своим собственным путем, а затем, в 1980-х и 1990-х, был вновь взят на вооружение активистами критической социальной справедливости (кстати, они крайне редко ссылаются на Джона Ролза). Это движение самонадеянно называет свою идеологию просто Социальной Справедливостью, как будто только оно стремится к справедливому обществу, а все остальные выступают за нечто совершенно иное. Таким образом, это движение стало известно как Движение Социальной Справедливости (Social Justice Movement), а его критики в интернете часто для краткости ссылаются на него как на Соцсправ⁴ и, все чаще, воукизм⁵ (из-за веры его

² недооценившими побочные эффекты прогресса: Lindsay J., Pluckrose H. A Manifesto against the Enemies of Modernity // Areo Magazine. 2017. 22 августа. URL: <http://areomagazine.com/2017/08/22/a-manifesto-against-the-enemies-of-modernity/>.

³ с любой групповой идентичностью: Rawls J. A Theory of Justice. Oxford: Oxford University Press, 1999.

⁴ Соцсправ (англ. SocJus) – акроним от «социальная справедливость», аналогия с оруэлловским термином Ангсоц (англий-

последователей, что они – единственные, кто «пробудился» и осознал проблему социальной несправедливости). Социальная Справедливость как имя собственное, с заглавной буквы С, означает крайне специфическую доктринальную интерпретацию понятия социальной справедливости и способов ее достижения и предписывает в отношении этого термина строгую, легко узнаваемую ортодоксию. Хотя нам не хотелось бы создавать впечатление, будто мы отдаем фундаментальное либеральное понятие социальной справедливости на откуп этому илилиберальному идеологическому движению, оно известно под названием Социальная Справедливость (с заглавных букв), и поэтому для ясности именно так мы и будем называть его на протяжении всей этой книги. «Социальная справедливость» со строчных будет использоваться для обозначения более широкого и общего значения этого понятия. Проясним и наши собственные социальные и политические убеждения: мы стоим против Социальной Справедливости, потому что выступаем за социальную справедливость.

Не замечать влияния Социальной Справедливости на общество становится все сложнее – прежде всего оно проявляется под видом «политики идентичности» и «политической корректности». Почти каждый день появляются истории, что кого-то уволили, «отменили» или публично осудили в социальных сетях за слова или поступки, истолкованные как сексизм, расизм или гомофобия. Иногда обвинения оправданны, и мы успокаиваем себя, что негодяй, которого мы считаем совершенно непохожим на нас, получил «по заслугам» за свои ненавистнические взгляды. Однако все чаще такие обвинения носят весьма интерпретативный характер, а их обоснования выглядят натянутыми. Иногда кажется, что даже благонамеренный человек, уважающий всеобщие свободу и равенство, может случайно произнести что-нибудь противоречащее новоявленным речевым кодексам, что приведет к разрушительным последствиям для его карьеры и репутации. Все это сбивает с толку и противоречит здравому смыслу в контексте культуры, привыкшей ставить на первое место человеческое достоинство и поэтому ценить доверительные интерпретации⁶ и терпимость к широкому спектру взглядов. В лучшем случае происходящее вредит самой культуре свободного высказывания, более двух столетий служившей на совесть либеральным демократиям, поскольку добропорядочные люди начинают цензурировать свои высказывания, опасаясь произнести что-нибудь «неправильное». В худшем – это злонамеренная организованная травля, в институционализированной форме превращающаяся в авторитаризм прямо у нас на глазах.

Это требует разъяснений. Именно *требуется*, потому что все эти изменения, происходящие с поразительной быстротой, плохо поддаются пониманию. Ведь они берут свое начало в своеобразном взгляде на мир академических активистов, у которых есть и свой собственный язык. Формально англоязычные активисты говорят и пишут на английском, однако они придают повседневным словам новые значения. Например, когда речь заходит о расизме, согласно новому определению, имеются в виду не предрассудки по поводу расы, а скорее расистская система, пронизывающая все взаимодействия в обществе, но остающаяся невидимой для всех, кто не сталкивается с ней на своем опыте или не обучен соответствующим «критическим» методам. (Таких людей иногда описывают термином «воук», то есть «пробужденные».) Столь узкое и техническое использование слова не может не приводить обычных людей в замешательство, и подчас они соглашались с тем, с чем никогда не согласились бы, располагая полно-

ский социализм). В российском употреблении больше прижился критический термин «войны социальной справедливости» (СЖВ, *англ.* social justice warriors). – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

⁵ «Воук» (*англ.* Woke) – политический сленговый термин, дословно переводящийся как «пробужденный». Обозначает повышенное внимание к вопросам справедливости и политкорректности. Зачастую используется в ироническом контексте.

⁶ Принцип доверия, или доверительная интерпретация (*англ.* Principle of charity, charitable interpretation) – принцип из риторики, согласно которому, воспринимая суждение говорящего, следует выбирать их максимально рациональную интерпретацию.

ценной системой координат, с помощью которой можно понять, что в действительности подразумевается под этим словом.

Академические активисты не только говорят на специализированном языке, используя повседневные слова (которые обычным людям ошибочно кажутся понятными), но и представляют совершенно другую *культуру*, встроенную в нашу собственную. Люди таких взглядов могут физически находиться рядом с нами, а интеллектуально – в какой-то другой вселенной. Поэтому с ними невероятно сложно взаимодействовать. Они одержимы властью, языком, знанием и отношениями между ними, воспринимают мир через призму механизма власти в каждом взаимодействии, высказывании и культурном артефакте – даже если они не очевидны или в реальности *не существуют*. Такое мировоззрение выдвигает на передний план социальные и культурные обиды и стремится превратить все в политическую игру с нулевой суммой, выстроенную вокруг расы, пола, гендера, сексуальности и многих других маркеров идентичности. Человеку со стороны может показаться, что эта культура возникла на какой-то другой планете, жители которой не имеют представления о биологических видах, размножающихся половым путем, и истолковывают все наши социальные взаимодействия максимально циничным образом. Но на самом деле эти нелепые взгляды вполне свойственны человеку. Они свидетельствуют о нашей неоднократно продемонстрированной склонности увлекаться замысловатыми духовными мировоззрениями – от племенного анимизма до спиритизма хиппи и до изощренных мировых религий, – каждое из которых внедряет собственную интерпретативную рамку. В нашем случае это рамка своеобразного взгляда на власть и ее способность порождать неравенство и угнетение.

Общение со сторонниками таких взглядов требует изучения не только их языка – что само по себе достаточно сложно, – но и обычаев, а также мифологии «общих» и «структурных» проблем, присущих нашему обществу, системам и институтам. Как известно опытным путешественникам, для общения с представителями совершенно другой культуры недостаточно просто выучить язык. Необходимо также изучить устойчивые выражения, скрытые смыслы, культурные отсылки и правила этикета, которые определяют коммуникацию. Для эффективного взаимодействия нам нередко требуется помощь не только переводчика, но и *истолкователя* в самом широком смысле этого слова. Именно такую помощь мы и хотим предложить. Эта книга – руководство по языку и обычаям, которые в настоящее время широко продвигаются под приятным глазу брендом «Социальная Справедливость». Мы свободно владеем как языком, так и культурой академических исследований и активизма Социальной Справедливости и планируем провести наших читателей через этот чуждый для них мир, отследив эволюцию этих идей от их истоков пятидесятилетней давности и до наших дней.

Мы начинаем наш путь в конце 1960-х годов, когда совокупность теоретических концепций, сгруппированных вокруг понятий знания, власти и языка, которые позже стали известны под именем *постмодернизм*, возникла в рамках сразу нескольких гуманитарных дисциплин. В своей основе постмодернизм отвергает так называемые *метанарративы* – масштабные, целостные объяснения того, как устроены мир и общество. Он отвергнул христианство и марксизм. Он отвергнул науку, рациональное мышление и столпы западной демократии, созданные эпохой Просвещения. Постмодернистские представления сформировали то, что с тех пор чаще всего называют *Теорией*, – совокупность идей, которая в определённом смысле является главной героиней этой книги. На наш взгляд, крайне важно разобраться в том, как Теория развивалась с 1960-х до наших дней, если мы хотим понять и обернуть вспять резкие перемены, которые она спровоцировала в обществе, особенно после 2010 года. Следует отметить, что в этой книге *Теория* с заглавной буквы Т (и связанные с ней слова, такие как Теоретик и Теоретический) будет означать подход к социальной философии, вытекающий из постмодернизма.

«Циничные теории» объясняют, как Теория превратилась в движущую силу культурной войны конца 2010-х, и предлагают философский *либеральный* способ противостоять ее про-

явлениям в исследованиях, активизме и повседневной жизни. В книге прослеживается эволюция ответвлений циничной постмодернистской Теории на протяжении последних пятидесяти лет и демонстрируются результаты ее влияния на современное общество, с которыми сталкивался каждый читатель. В первой главе мы познакомим вас с ключевыми идеями первых постмодернистов 1960-х и 1970-х годов и выделим два принципа и четыре сюжета, которые станут центральными для всех последующих Теорий. Во второй главе мы объясним, как эти идеи мутировали, набирали силу и обретали применение в политической практике в контексте новых Теорий, появившихся в конце 1980-х – 1990-х годах. Мы будем называть это *прикладным постмодернизмом*. В главах с третьей по шестую мы более подробно остановимся на каждой из Теорий: постколониальной, квир-, критической расовой, а также интерсекциональном феминизме. В седьмой главе мы рассмотрим относительно новые Теории – исследования инвалидности и исследования человеческой полноты, испытавшие влияние всех своих предшественниц.

В восьмой главе мы исследуем второй этап эволюции постмодернистских идей, начавшийся примерно в 2010 году, на котором была провозглашена абсолютная истинность постмодернистских принципов и сюжетов. Связанный с этим подход мы будем называть *овеществленным постмодернизмом*, поскольку он принимает допущения постмодернизма за реальные, объективные истины – Истину в понимании Социальной Справедливости. Эти перемены произошли, когда исследователи и активисты объединили существующие Теории и исследования в простую, догматическую методологию, более известную просто как «академические исследования Социальной Справедливости».

Цель этой книги – рассказать историю о том, как постмодернизм воспользовался своими циничными Теориями для деконструкции так называемых старых религий человеческой мысли, включающих в себя традиционные верования, такие как христианство, и светские идеологии, такие как марксизм, а также связанные между собой системы модерности, такие как наука, либеральная философия и прогресс, – и заменил их новой религией под названием Социальная Справедливость. Эта книга – история о том, как отчаяние сменилось новой уверенностью, позже превратившимся в непоколебимую убежденность, если не религиозный фанатизм. Новоявленная вера была целиком и полностью постмодернистская. Вместо того чтобы интерпретировать мир в терминах эфемерных духовных сил, таких как грех или магия, она фокусируется на тончайших материальных аспектах: системной нетерпимости и расплывчатых, но вездесущих системах власти и привилегий.

Став увереннее и яснее в формулировках, Теория отчасти сыграла на руку своим оппонентам. Либералам – политическим левым, правым или центристам – стало легче подбираться к ее постулатам и находить контраргументы. С другой стороны, такое развитие Теории вызывает тревогу, поскольку ее адептам, стремящимся перестроить общество, стало намного проще постигать ее замыслы и приводить их в исполнение. Мы видим, как она влияет на мир, атакуя науку и рациональное мышление. Как упрощенчески разделяет общество на господствующие и маргинализированные идентичности и усматривает в его основе незримые системы превосходства белой расы, патриархата, гетеронормативности, циснормативности, эйблизма и фэтфобии. Мы сталкиваемся с непрерывным демонтажем категорий знания и веры, разума и эмоций, мужчин и женщин, а также с ростом цензуры нашего языка в соответствии с Истиной в понимании Социальной Справедливости. Мы наблюдаем радикальный релятивизм в форме двойных стандартов вроде утверждений, что лишь мужчины могут быть сексистами и только белые люди – расистами, а также в повальном отрицании последовательных принципов не дискриминации. В свете всего перечисленного становится все труднее и даже опаснее утверждать, что к людям следует относиться как к личностям, или призывать к признанию нашей общей человечности наперекор поляризующей и сковывающей политике идентичности.

Пускай сегодня многие признают существование этих проблем и интуитивно чувствуют, что идеи Теории неразумны и иллиберальны, сформулировать ответ на них оказывается непросто, поскольку аргументы против иррационализма и иллиберализма зачастую ошибочно понимаются или представляются как аргументы против самой социальной справедливости. В результате слишком многие люди даже не предпринимают таких попыток, несмотря на все свои добрые побуждения. Помимо опасности получить клеймо врага справедливого общества, критики методов Движения Социальной Справедливости сталкиваются с еще двумя препятствиями. Во-первых, основополагающие ценности Социальной Справедливости настолько противоречат здравому смыслу, что их трудно понять. Во-вторых, мало кому из нас приходилось защищать универсалистскую либеральную мораль, рациональное мышление и доказательный метод от тех, кто называет себя сторонниками социальной справедливости. До недавнего времени все это наилучшим образом *сочеталось* с достижением социальной справедливости. Таким образом, закончив разъяснять основополагающие принципы Социальной Справедливости, мы расскажем, каким образом их можно выявлять и как противостоять им. В девятой главе мы рассмотрим, как эти идеи вырвались за пределы академии и начали оказывать влияние на реальный мир. Наконец, в десятой главе мы попытаемся доказать, что лучший способ противостоять им – это общая приверженность определяющим для эпохи модерности четко сформулированным универсальным либеральным принципам и научно строгим, основанным на доказательствах исследованиям. Если повезет, то две последние главы нашей книги заложат основу для написания последней главы в истории Теории – ее, хочется верить, тихого и бесславного конца.

Таким образом, эта книга рассчитана на дилетанта, не имеющего отношения к таким исследованиям, но ощущающего влияние Теории на общество и желающего понять, что происходит. Она предназначена для либерала, для которого справедливое общество имеет большое значение, но который не может не заметить, что Движение Социальной Справедливости сбилось с верного пути, и хочет сформулировать последовательный и искренний ответ на это с либеральных позиций. «Циничные теории» написаны для любого представителя любой части политического спектра, который верит в свободный рынок идей – как способ их изучения и оспаривания, а также путь развития общества – и хочет понять, что по-настоящему являют собой постулаты Социальной Справедливости.

Эта книга не ставит своей целью помешать либеральному феминизму, антирасистскому активизму или борьбе за равенство ЛГБТ. Напротив, «Циничные теории» выросли из нашей приверженности идее гендерного, расового и ЛГБТ-равенства, а также нашей обеспокоенности тем, что обоснованность и важность этой позиции в настоящее время подрываются Социальной Справедливостью. Кроме того, эта книга не содержит нападок на академические исследования или университеты как таковые. Напротив, мы стремимся защитить научно строгие исследования, основанные на доказательном методе, а вместе с ними и важнейшую функцию университета как центра производства знания от антиэмпирических, антирациональных и иллиберальных течений левого толка, угрожающих наделить силой антиинтеллектуальные, антиравноправные и иллиберальные течения правого толка.

Таким образом, в конечном итоге эта книга стремится предложить философскую либеральную критику академических исследований и активизма Социальной Справедливости и доказать, что они не способствуют достижению целей подлинной социальной справедливости и равенства. Некоторые исследователи в критикуемых нами областях усмехнутся и заявят, что в действительности мы занимаем ультраправую позицию и выступаем против изучения социетальной несправедливости, с которой сталкиваются маргинализированные индивиды. Объективное прочтение нашей книги продемонстрирует нежизнеспособность такой оценки. Многие другие исследователи в этих областях примут нашу либеральную, эмпирическую и рациональную позицию, но посчитают ее модернистским заблуждением, приоритизирующим

белые, мужские, западные и гетеросексуальные конструкты знания и поддерживающим несправедливый статус-кво с его несостоятельными попытками постепенного улучшения общества. «Инструментами хозяина не разрушить хозяйский дом»⁷, – скажут они нам. Мы ответим, что заинтересованы не столько в демонтаже либеральных обществ, эмпирических и рациональных концепций знания, сколько в развитии тех незаурядных достижений в области социальной справедливости, которым они способствовали. «Хозяйский дом» вполне хорош, просто не всех туда пускали. Либерализм расширяет доступ к этому монументальному строению, которое может дать каждому крышу над головой и уверенность в собственных силах. А вот равный доступ к развалинам вряд ли кому-то нужен. Найдутся и исследователи, которые, посчитав, что в нашей критике Социальной Справедливости есть доля истины, вступят с нами в доброжелательный диалог. Именно таких обменов мнениями мы с нетерпением ждем, и именно они могут вернуть нас на путь продуктивной и идеологически разнообразной дискуссии о вопросах социальной справедливости.

⁷ **не разрушить хозяйский дом:** *Lorde A. Sister Outsider: Essays and Speeches. Berkeley, CA: Crossing Press, 2007. С. 110–114.*

1. Постмодернизм

Знание и власть: революция

В 1960-х годах гуманитарная мысль коренным образом изменилась. Это принято связывать с именами нескольких французских теоретиков, прочно закрепившимися в массовом сознании, пусть их книги и не встретишь в каждом доме: Мишеля Фуко, Жака Деррида и Жана-Франсуа Лиотара. Предложив принципиально новое понимание мира и нашего к нему отношения, они совершили революцию в социальной философии, да и, возможно, *во всем* социальном. Последующие десятилетия кардинально изменили не только то, как и о чем мы мыслим, но и сам способ мышления о мышлении. Эта революция происходила вдали от повседневной суеты, в тишине университетских кабинетов, однако она оказала глубокое влияние на то, как мы взаимодействуем с миром и друг с другом. В ее основу легло радикальное мировоззрение, позже получившее известность как постмодернизм.

Постмодернизм трудно поддается определению – возможно, не случайно. Он представляет собой совокупность идей и способов мышления, появившихся как ответ на определенные исторические обстоятельства: итоги мировых войн и их культурное влияние, повсеместное разочарование в марксизме, секуляризацию в постиндустриальных обществах и стремительное развитие технологий. Пожалуй, продуктивнее всего будет определить постмодернизм как отказ одновременно от модернизма – интеллектуального движения конца XIX и первой половины XX века – и от модерности – эпохи, наступившей после окончания Средневековья и в которой мы (вероятно) все еще живем. Вырвавшись за пределы академии, эта новоявленная форма радикального скептицизма в отношении самой возможности достичь объективного знания атаковала наш социальный, культурный и политический образ мысли. Отвергая некоторые из основ модернистской мысли, постмодернисты одновременно указывали, что в других своих проявлениях та остановилась на полпути. В частности, они отрицали основополагающее модернистское стремление к аутентичности, объединяющим нарративам, универсализму и прогрессу, достигаемому в первую очередь посредством научного знания и технологий. В то же время они довели до крайности относительно взвешенный, хотя и мрачный скептицизм модернистов в отношении традиции, религии и самоуверенности эпохи Просвещения, наряду с их упованием на рефлексивность, нигилизм и иронические формы критики⁸. Постмодернизм

⁸ **иронические формы критики:** Критическую теорию часто приписывают знаменитой Франкфуртской школе, возникшей как средство марксистской критики современности. Она значительно отличается от постмодернистской критической теории, которую часто называют просто теорией, или более специфических направлений критической Теории, таких как критическая расовая Теория или критическая диететика. Фактически представители Франкфуртской школы, особенно Юрген Хабермас, в значительной степени критиковали постмодернизм. Современные подходы, которые обычно называют критической теорией, как правило, относят к постмодернистским вариантам, так как сейчас они оказывают влияние на большую часть академических кругов. Доступное объяснение различных значений критических теорий см. *Bohman J. Critical Theory // Stanford Encyclopedia of Philosophy / под ред. E. N. Zalta. 2019. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/critical-theory/>*. Исходя из своей первоначальной концепции, критическая теория должна была отделиться от традиционной теории, которая стремится понять и объяснить явления с точки зрения того, что это и как это работает, включая социальные явления. Критическая теория, напротив, должна удовлетворять всем трем критериям. Во-первых, она должна возникать из «нормативного» видения, то есть ряда нравственных взглядов на то, каким должно быть общество, и этот нравственный ориентир должен как поддерживать теорию, так и служить целью для нового общества. Во-вторых, она должна объяснять, что не так с обществом или существующей системой, обычно используя термин «проблематика», то есть недостаток в системе или способах, которыми она не согласуется со стандартными нравственными устоями теории или не обобщает их. В-третьих, она должна приниматься социальными активистами, которые будут ее использовать для изменения будущего. Теоретики постмодернизма приняли критический метод или по крайней мере критическое настроение Франкфуртской школы и адаптировали его к структуралистскому контексту, в частности взгляду на власть. Тем не менее «критическая» цель осталась прежней: привлечь внимание к проблемам «системы» людей, якобы угнетенных ею – как бы хорошо им внутри нее ни было, – пока они

подверг структуры мышления и общества настолько экстремальным сомнениям, что в конечном счете стал формой цинизма.

Кроме того, постмодернизм стал отрицательной реакцией на современность и ее «глубокую культурную трансформацию, приведшую к возникновению представительной демократии, торжеству науки, преобладанию разума над суевериями и становлению личных свобод, позволяющих человеку жить в соответствии со своими ценностями»⁹. Хотя постмодернизм открыто отвергает возможность существования принципов, на которых основана модерность, он тем не менее оказал глубокое влияние на мышление, культуру и политику обществ, многим ей обязанных. Как отмечает литературовед Брайан Макхейл, постмодернизм стал «доминирующей культурной тенденцией (или, выражаясь аккуратнее, просто доминирующей тенденцией) в ходе второй половины XX века в развитых индустриальных обществах Запада, распространившись со временем и в другие регионы земного шара»¹⁰.

Отдаляясь от своих революционных истоков, постмодернизм обретал новые формы, но сохранял первоначальные принципы и сюжеты. Со временем он стал все сильнее влиять на культуру, активизм и академическую мысль, особенно в том, что касается гуманитарных и социальных наук. Постмодернизм категорически отвергает сами основы современных развитых цивилизаций, а следовательно, грозит их подорвать. Потому осмыслить постмодернизм – дело безотлагательное.

Постмодернизм с трудом поддается не только определению, но и обобщению. Он был и остается многогранным явлением, охватывающим огромные области интеллектуальной, художественной и культурной жизни. Его границы, природа, форма, цель, ценности и сторонники всегда были предметом споров, что еще больше усложняет ситуацию. Это вполне естественно для типа мысли, чье оружие – плюрализм, противоречие и двусмысленность, но не очень помогает разобраться в нем или в его философском и культурном наследии.

При попытках определить постмодернизм возникают не только концептуальные сложности, но также пространственные и временные, поскольку постмодернизм никогда не был монолитным движением. Первые проявления культурного феномена, который мы позже назовем «постмодернизмом», носили художественный характер и датируются примерно 1940 годом. Уже к концу 1960-х он начал гораздо сильнее выделяться в различных областях гуманитарных и социальных дисциплин, включая психоанализ, лингвистику, философию, историю и социологию. К тому же в различных измерениях и в разные времена постмодернизм проявлялся по-разному. В результате в постмодернистской мысли нет ничего, что являлось бы принципиально новым; его основоположники неизменно опирались на своих предшественников от сюрреалистического искусства, антиреалистической философии¹¹ и революционной политики. Кроме того, постмодернизм проявлялся по-разному от страны к стране, производя отдельные вариации общих сюжетов. Итальянские постмодернисты, наследуя модернизму, выдвигали на первый план эстетические элементы, в то время как в США возобладали более прямолинейные

не начнут ненавидеть «систему» и стремиться к революции. Франкфуртская школа разработала критический теоретический подход специально для того, чтобы выйти за рамки критики капитализма, как это делали марксисты, и нацелиться на принятие западной цивилизации в целом, в особенности либерализма как социально-политической философии и просвещения. Именно с таким подходом к критике постмодернисты обращались ко всему общественному порядку и его институтам, настаивая на том, что гегемонистские структуры власти (концепция, заимствованная у Антонио Грамши) существуют во всех аспектах различий, требуют разоблачения и в конечном счете уничтожения.

⁹ **в соответствии со своими ценностями:** Мы писали о необходимости защищать модернизм как от премодернистов (тех, кто вернет нас в доиндустриальные и светские времена), так и от постмодернистов, в статье «Манифест против врагов современности» (См. *Lindsay J., Pluckrose H. A Manifesto against the Enemies of Modernity // Areo Magazine. 2017. 22 августа*).

¹⁰ **в другие регионы земного шара:** *McHale B. The Cambridge Introduction to Postmodernism. Cambridge University Press, 2015.*

¹¹ Автор использует понятие (*англ. antirealist philosophy*), предложенное британским философом Майклом Даммитом для обозначения общей для многих философских традиций эпистемологической позиции. Согласно ей, в своей аргументации мы не можем апеллировать к существованию познаваемой «объективной» реальности. – *Прим. ред.*

и прагматичные подходы. Французы отдавали предпочтение социальному, революционному и *деконструктивистскому* подходам к модернизму¹². Именно их метод будет представлять для нас наибольший интерес, поскольку в первую очередь некоторые из французских идей, в особенности о знании и власти, со временем выделились в качестве основных векторов постмодернизма и теперь обычно называются просто *Теорией*. Упрощенные, более конкретные и практичные формы этих идей укоренились среди борцов за социальную справедливость и академических исследователей, а также в мейнстримном общественном сознании – хотя, парадоксальным образом, в большей степени в англоговорящем мире, нежели в самой Франции.

Поскольку в основном мы сосредоточимся на прикладных производных постмодернистской мысли, получивших социальное и культурное влияние (если не сказать могущество), эта глава не пытается охватить необъятное пространство постмодернизма¹³. Кроме того, мы не станем касаться нескончаемой дискуссии о том, каких мыслителей допустимо называть постмодернистами, имеет ли сам термин «постмодернизм» смысл и не стоит ли отделять критиков постмодерна от постструктуралистов и тех, чья работа основывается на методе *деконструкции*. Безусловно, эти различия существуют, однако подобная систематизация представляет интерес главным образом для ученых. Вместо этого мы выделим несколько устойчивых основополагающих тезисов постмодернизма, которые являются движущей силой современного активизма, формируют образовательные теории и практику и задают тон сегодняшним общественным дискуссиям. Среди них: скептическое отношение к объективной реальности; восприятие языка как инструмента производства знания; «конструирование» индивида и роль, которую во всем этом играет власть. Эти факторы обусловили «постмодернистский поворот» (postmodern turn) – главный итог 1960-х и 1970-х. В частности, мы хотим объяснить, каким образом в ходе этой масштабной перемены упомянутые фундаментальные идеи обрели популярность в культуре и легитимность в научной среде, приведя к тому концептуальному расколу, который лежит в основании множества сегодняшних социальных, культурных и политических разногласий.

¹² **социальному, революционному и деконструктивистскому подходам к модернизму:** Хотя Жак Лакан и такие французские феминистки, как Люс Иригарей и Юлия Кристева, были чрезвычайно влиятельными участниками постмодернистского поворота, психоанализ не будет подробно обсуждаться в данной книге. Их идеи уходят корнями в развитие психики, а не культурный конструктивизм, и потому не оказывают такого влияния на современные культурологические исследования, как идеи других исследователей. По этой же причине их критиковали как «эссенциалистов».

¹³ **необъятное пространство постмодернизма:** Исчерпывающий отчет о каждом мыслителе постмодерна и его или ее источниках вдохновения выходит за рамки данной книги.

Предпосылки, принципы и сюжеты постмодернизма

С некоторыми оговорками можно утверждать, что постмодернизм возник между 1950-ми и 1970-ми – точные даты зависят от того, интересуют ли вас в первую очередь его художественные или социальные аспекты. Первые перемены произошли в искусстве: мы можем проследить их по крайней мере к 1940-м в работе такого творца, как аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес. Однако для нас ключевым этапом является конец 1960-х годов, ознаменовавшийся появлением на исторической сцене таких французских теоретиков культуры, как Мишель Фуко, Жак Деррида и Жан-Франсуа Лиотар, – основоположников того, что позже стало известно как просто Теория.

В середине XX века Европа одновременно пережила ряд глубоких социальных потрясений. Первая и Вторая мировые войны пошатнули доверие европейцев к понятию прогресса и взрастили тревогу в отношении мощи технологий. Левые интеллектуалы по всей Европе начали с подозрением относиться к либерализму и западной цивилизации, позволившей фашизму прийти к власти, – причем зачастую к подобным катастрофическим результатам приводила воля фрустрированного электората. Империи развалились, а колониализм перестал быть морально приемлемым для большинства людей. Бывшие имперские подданные начали мигрировать на Запад, побуждая левую интеллигенцию уделять больше внимания расовому и культурному неравенству и в особенности тому, каким образом его возникновению способствуют структуры власти. Активизм в защиту прав женщин и сексуальных меньшинств и движение за гражданские права в США получали все более широкую общественную поддержку, в то время как разочарованность марксизмом – до той поры главной левой концепцией социальной справедливости – распространялась в рядах политических и культурных левых. Учитывая катастрофические результаты коммунизма повсюду, где его пытались построить, подобная разочарованность была вполне обоснованной и радикально изменила мировоззрение левых культурных элит. В результате, учитывая роль науки в допущении, производстве и оправдании невообразимых ужасов своего века, некогда непоколебимая вера в нее подверглась тщательной ревизии. В это же время среди молодого поколения обретает силу новая яркая популярная культура, которая спешит потягаться с традиционной «высокой». Стремительное развитие технологий и массового производства потребительских товаров дало этой «средней культуре» возможности распалать ничем не ограниченную жажду все нового искусства, музыки и развлечений. В свою очередь, это породило страхи перед вырождением общества в искусственный, гедонистический, капиталистический, потребительский мир фантазий и игр.

Подобная реакция обычно принимала форму характерного для постмодернизма беспроблемного пессимизма, вызывая опасения по поводу гордыни человеческого рода с одной стороны и потери смысла и аутентичности – с другой. Столь явно выраженное отчаяние позволяет охарактеризовать сам постмодернизм как глубокий кризис доверия и аутентичности, поразивший культуру и сопровождающийся растущими сомнениями в либеральных общественных устоях. Возрастающие опасения по поводу утраты смысла, вызванные стремительным совершенствованием технологий, определили характер этой эпохи.

Постмодернизм с особым скепсисом относился к науке и другим общепринятым способам легитимации утверждений в качестве «истин», а также к подкрепляющим их масштабным, всеобъемлющим умопостроениям. Он нарек их *метанарративами*¹⁴, своего рода разновидностями культурных мифов, характерными следствиями близорукости и высокомерия людей. Постмодернизм исходил из радикального скептицизма в отношении подобных нарративов. Столь глубокий скептицизм следует понимать как своего рода цинизм в отношении

¹⁴ нарек их метанарративами: См. Лиотар Ж-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.

всей истории человеческого прогресса – искаженную форму появившегося задолго до него масштабного культурного течения скептицизма. Скептицизм по поводу больших нарративов – не являвшийся, однако, цинизмом – был важной составляющей Просвещения и модернизма и набирал все большие обороты в западном обществе на протяжении нескольких столетий, предшествующих рождению постмодернизма в 1960-х.

На раннем этапе ярко выраженный, но обоснованный культурный скептицизм сыграл ключевую роль в развитии научной (и не только) мысли эпохи Просвещения, перед которой стояла необходимость освободиться от влияния преобладавших прежде метанарративов (в основном религиозного характера). К примеру, в результате Реформации в XVI веке единое религиозное пространство раскололось в том числе на многочисленные протестантские секты, отрицающие как предшествующую им ортодоксию, так и друг друга. Кроме того, появление в конце XVI века трактатов, направленных на борьбу с атеизмом, явно свидетельствовало о начале упадка религиозной веры. В ходе XVII века произошла революция в медицине и анатомии, которые прежде были основаны на трудах древних греков; резко вырос уровень знаний о человеческом теле. Научная революция стала результатом широко распространившихся сомнений в общепринятых истинах и стремительного роста различных видов производства знаний. В основе выработки научного метода в XIX веке лежал скептицизм и потребность во все более скрупулезных испытаниях и опровержениях знания.

Помимо увлеченности циничным «скептицизмом», постмодернисты были озабочены тем, что современное общество потеряло аутентичность и смысл, – эта тема особенно волновала французских Теоретиков. Острее прочих такие опасения выразил Жан Бодрийяр. Согласно Бодрийяру, чье нигилистическое отчаяние по поводу утраты «реального» во многом опиралось на труды французского психоаналитика Жака Лакана, вся реальность превратилась в симуляцию (имитацию реальных явлений и систем) и симулякры («копии», не имеющие оригиналов)¹⁵. Бодрийяр описывает три порядка симулякров, ассоциирующиеся с премодерном, модерном и постмодерном. По его словам, в эпоху премодерна – до того, как Просвещение в корне изменило наше отношение к знанию, – существовала подлинная реальность, которую люди пытались отобразить. В модерне эта связь оборвалась из-за того, что производство приобрело массовый характер и каждый оригинальный объект смог иметь множество идентичных копий. В период постмодерна, заключает он, оригинал перестал существовать: все вокруг стало симулякрами, представляющими собой неудовлетворительные имитации и образы реального. Это состояние Бодрийяр называет *гиперреальностью*¹⁶. Здесь проявляется тенденция постмодернистов искать истоки смысла в языке и уделять чрезмерное внимание его способности – путем ограничения и формования знания – конструировать социальную реальность, представляемую истинной.

Те же самые угрожающие аутентичности факторы были главной заботой и других постмодернистских мыслителей. Французские философы Жиль Делёз и Феликс Гваттари, например, утверждали, что личность подавляется капиталистическим, потребительским обществом¹⁷. В схожем ключе рассуждал американский ученый-марксист Фредрик Джеймисон, особенно сильно критиковавший постмодернизм за отсутствие глубины и видевший его поверхностью, за которой не кроется весомых смыслов. Как и Бодрийяр, он считал постмодернистский период *симуляцией* – искусственной и состоящей лишь из копий. Выражая характерное для постмодернизма отчаяние, он диагностировал *исчезновение аффекта* (*waning of affect*) – ситуацию,

¹⁵ «копии», не имеющие оригиналов: См. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2017.

¹⁶ Бодрийяр называет гиперреальностью: Бодрийяр доводит этот странный взгляд до мрачной и нигилистической крайности, призывая к решительным мерам, чтобы вернуть нас в более продуктивное, дотехнологическое время. См. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.

¹⁷ подавляется капиталистическим, потребительским обществом: См. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

в которой ничто более не способно достучаться до человеческого сердца. Согласно Джеймисону, поверхностная эстетика захватывает наше внимание, отдаляет и отвлекает людей от чересчур глубоких переживаний. В этом смысле он неприкрыто сетовал на цинизм, составляющий основу постмодернизма. «Смерть субъекта» в его терминологии отсылает к потере индивидуальности и уверенности в стабильном внутреннем «я». На смену пародии, утверждает он, пришел «пастиш» – имитация, лишенная мотивов и глубины; нескончаемое заимствование и переработка. Пресыщение, обеспечиваемое легкодоступными впечатлениями, привело к постоянному переживанию *Возвышенного* – нескончаемой искусственной эйфории. В конце концов эта бесцельность, а также утрата смысла и основ, привели к *ностальгии* – постоянному оглядыванию назад в поисках настоящего¹⁸. Крайне важно отметить, что эта глубочайшая безысходность, составляющая основу критики постмодерна, была в основном описательной, а не предписывающей. Время предписаний настанет позже.

Реакционный скептицизм в отношении модернизма и модерности, характерный для постмодернистской мысли, особенно резко выразился в недовольстве технологиями и обществом потребления и опасениях, которые они вызывали. По крайней мере, среди академиков, занятых культурной критикой, это привело к ситуации, которую философ, социолог и литературный критик Жан-Франсуа Лиотар в 1979 году описал как «состояние постмодерна» (the postmodern condition). Лиотар характеризовал это состояние как глубокий скептицизм в отношении возможности существования какой бы то ни было ярко выраженной смыслообразующей структуры в основе человеческой жизни. Антрополог и географ Дэвид Харви также называет эту ситуацию «состоянием постмодерна» (the condition of postmodernity)¹⁹ и рассматривает ее как результат «крушения проекта Просвещения»²⁰. Упомянутые мыслители ссылаются главным образом на общее ощущение, что научная и нравственная уверенность, с помощью которых мы мыслили современность, больше не состоятельны, а утрата присущих им аналитических инструментов делает ситуацию совершенно безнадежной. Их выводы приняли форму крайне радикального скептицизма и глубокого цинизма, особенно в отношении языка, знания, власти и индивида²¹.

Впрочем, что же такое постмодернизм? Онлайн-энциклопедия «Британника»²² определяет постмодернизм как

движение конца XX века, характеризующееся ярко выраженным скептицизмом, субъективизмом или релятивизмом, настороженным отношением к рациональному мышлению и высокой чувствительностью к роли идеологии в установлении и сохранении политической и экономической власти²³.

Уолтер Трутт Андерсон в 1996 году описал четыре столпа постмодернизма²⁴.

¹⁸ **оглядыванию назад в поисках настоящего:** См. Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014.

¹⁹ В общепринятых русских переводах формулировки Дэвида Харви (англ. the condition of postmodernity) и Жана-Франсуа Лиотара (фр. Le condition postmoderne) совпадают, в то время как в английском языке разница выражена несколько более отчетливо. Последнее можно было бы перевести также как «постмодерное состояние». – Прим. ред.

²⁰ **результат «крушения проекта Просвещения»:** См. Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021.

²¹ **в отношении языка, знания, власти и индивида:** Неясно, разделяли все слои населения это восприятие общества или скептицизм по отношению к ценностям Просвещения, который возникал у некоторых мыслителей, но что-то значительное менялось, особенно в академии.

²² Старейшая британо-американская англоязычная энциклопедия. С 2012 года выпускается в мультимедийном формате.

²³ **сохранении политической и экономической власти:** Dignan B. Postmodernism // Encyclopædia Britannica, 2019. 19 июля. URL: <http://britannica.com/topic/postmodernism-philosophy>.

²⁴ **четыре столпа постмодернизма:** Перефразировано из Anderson W. T. The Fontana Postmodernism Reader. London: Fontana Press, 1996. С. 10–11.

1. Социальное конструирование понятия личности: идентичность формируется не традицией, а в результате воздействия множества культурных факторов.

2. Релятивизм морального и этического дискурса: моральные нормы не открываются, а изобретаются. Иначе говоря, мораль не основана на культурной или религиозной традиции, не ниспослана нам небесами, а формируется в результате обмена мнениями и выбора. Релятивизмом это можно назвать не потому, что в нем отсутствует момент оценки, но из-за убежденности в том, что все моральные нормы представляют собой социально сконструированные культурные мировоззрения.

3. Деконструкция искусства и культуры: упор делается на бесконечную игровую импровизацию, непостоянство сюжетов и смешение «высокой» и «низкой» культур.

4. Глобализация: люди рассматривают любые границы как социальные конструкции, которые можно пересекать и реконструировать, и склонны с меньшей серьезностью относиться к своим родовым нормам.

Многие согласны с утверждением, что постмодернизм сфокусирован вокруг ряда основных сюжетов, как бы сильно постмодернисты ни сопротивлялись подобной категоризации. (Эти сюжеты можно назвать фундаментом «постмодернистского метанарратива».) Среди центральных сюжетов постмодернизма норвежский психолог Стейнар Квале, руководивший Центром качественных исследований Университета Орхуса (Дания), выделяет сомнение в способности какой бы то ни было человеческой истины отражать объективную реальность, фокусировку на языке и на том, каким образом общества используют его для создания собственных локальных реальностей, а также отрицание универсального²⁵. По его версии, эти сюжеты спровоцировали повышенный интерес к сторителлингу и нарративам, особенно тем, в которых «истины» помещены в рамки определенных культурных конструктов. Они же привели к релятивизму, допускающему, что различные описания реальности не могут быть сопоставлены друг с другом никаким окончательным – то есть объективным – образом²⁶.

Вслед за Квале²⁷ мы можем выдвинуть ключевое наблюдение: постмодернистский поворот обусловил важный сдвиг от модернистской дихотомии объективно-универсального и субъективно-индивидуального к локальным нарративам (и прожитому опыту повествователей). Иными словами, граница между объективно истинным и субъективно переживаемым оказалась стерта. Восприятие общества как совокупности индивидов, каждый из которых по-своему взаимодействует с универсальной реальностью, – основа либеральных принципов свободы личности, человечности²⁸ и равенства возможностей – сменилось множеством гипотетически равносильно достоверных знаний и истин, конструируемых группами людей с общими, вытекающими из их социального положения маркерами идентичности. В рамках постмодернистского мышления знание, истина, смысл и нравственность – конструкты отдельных культур, не имеющих в своем распоряжении необходимых инструментов или терминов для оценки друг друга.

Постмодернистский поворот по своей сути является реакцией, отрицанием модернизма и модерности²⁹. Согласно мышлению эпохи Просвещения, существуют более или менее надеж-

²⁵ **а также отрицание универсального:** Kvale S. Themes of Postmodernity // The Fontana Postmodernism Reader / под ред. W. T. Anderson. London: Fontana Press, 1996. С. 10–18.

²⁶ **то есть объективным – образом:** Там же, с. 18.

²⁷ **вслед за Квале:** Там же, с. 20.

²⁸ В данном случае под термином «человечность» (*англ.* shared humanity) подразумевается не бытовое определение добродетели гуманизма, но представление о человеческой природе как универсальной, преобладающей над индивидуальными и групповыми особенностями. – *Прим. ред.*

²⁹ **отрицанием модернизма и модерности:** Для Ричарда Рорти решающим фактором был переход от «найденного»

ные методы познать объективную реальность. Знания об объективной реальности, полученные научным методом, позволили нам построить современность и помогают продолжать делать это по сей день. Для постмодернизма, напротив, реальность становится продуктом нашей социализации и жизненного опыта, сконструированного системами языка. Значимость этой перемены в 1994 году подчеркнул социолог Стивен Сайдман, автор термина «постмодернистский поворот»: «В западном обществе происходят большие социальные и культурные изменения. Понятие „постмодерн“ отражает по крайней мере некоторые аспекты этого социального изменения»³⁰. Уолтер Трутт Андерсон в 1996-м выразился еще красноречивее: «Мы находимся на этапе огромного, запутанного, напряженного и чрезвычайно многообещающего исторического перехода, и связан он с изменением не столько того, *во что* мы верим, сколько того, *как* мы верим. Люди во всем мире переживают смену убеждений – точнее говоря, смену убеждений относительно убеждений»³¹. Сайдман и Андерсон описывают перемены в *эпистемологии*, то есть в том, как мы приобретаем и осмысливаем знание. Постмодернистский поворот характеризуется прежде всего отказом от ценностей Просвещения – в особенности от ценностей, касающихся производства знания, которые постмодернизм связывает с властью и ее несправедливым применением. Таким образом, постмодернистский взгляд на Просвещение очень узок и легко эволюционирует в цинизм³². Просвещение, отвергнутое постмодернистами, характеризуется верой в объективное знание; универсальную истину; науку (или, в более широком смысле, процедуру доказательства) как метод получения объективного знания; силу разума; способность к прямой коммуникации посредством языка; универсальную человеческую природу и индивидуализм. Кроме того, постмодернисты отрицали, что ценности Просвещения помогли Западу достичь значимого прогресса и способны послужить делу прогресса в дальнейшем³³.

к «созданному», под которым он подразумевал, что истина должна быть не найдена, а скорее создана людьми. Это четко выражает лежащую в основе постмодернизма тревогу по поводу искусственности современности (и, что весьма иронично, постмодернизма) и помогает нам охарактеризовать ее как своего рода кризис аутентичности. Для Брайана Макхейла важнейшим сдвигом было смещение философского фокуса с эпистемологического на онтологический, то есть с озабоченности по поводу того, как мы создаем знание, к попыткам охарактеризовать природу бытия. Он пишет, что модернизм «озабочен тем, *что мы знаем* и *как мы узнали* это, доступностью и надежностью знания» и, следовательно, «преследует эпистемологические вопросы». Постмодернизм «предпочитает вопросы о *создании мира* и *способах бытия* вопросам о *восприятии* и *познании*: по своей ориентации он *онтологичен*» (курсив в оригинале). См. *Порти Р.* Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996; *McHale B.* The Cambridge Introduction to Postmodernism. С. 14–15.

³⁰ **аспекты этого социального изменения:** *Seidman S.* The Postmodern Turn: New Perspectives on Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

³¹ **смену убеждений относительно убеждений:** *Anderson W. T.* The Fontana Postmodernism Reader. London: Fontana Press, 1996. С. 2.

³² **легко эволюционирует в цинизм:** Например, следующие три мыслителя рассматривают скачок постмодернизма как результат неудач Просвещения. Для Уолтера Андерсона постмодернистский вердикт по поводу проекта Просвещения состоит в том, что это была блестящая, амбициозная попытка, но ее поле зрения было ограничено. Его лидеры считали, что задача создания универсальной человеческой культуры на основе рационального мышления будет легче, чем оказалось в итоге. Теперь вселенная кажется если не бесконечной, то как минимум бесконечно сложной и загадочной. А наши вечные истины выглядят неотделимыми от культур, в которых их создали, и языков, на которых они произносятся. См. *Anderson W. T.* The Fontana Postmodernism Reader. С. 216. Дэвид Харви утверждает, что мыслители Просвещения считали аксиомой наличие только одного возможного ответа на любой вопрос. Из этого следовало, что миром можно было бы управлять и рационально его упорядочить, если бы представилось возможным верно изобразить и представить его. Но это предполагало, что существует единственный верный способ представления мира, который, если бы мы могли раскрыть его (а именно это было целью всех научных и математических усилий), обеспечил бы средства для достижения целей просвещения. Таким образом Харви охарактеризовал Просвещение как веру в «линейный прогресс, абсолютные истины и рациональное планирование идеальных социальных порядков». См. *Харви Д.* Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. С. 27. Стивен Сейдман также описывает Просвещение в очень простых, категоричных терминах: «В основе современного запада лежит культура просвещения. Предположения о единстве человечества, индивидууме как созидательной силе общества и истории, превосходстве запада, идее науки как Истины и вере в социальный прогресс были фундаментальными для Европы и Соединенных Штатов. Эта культура сейчас находится в состоянии кризиса». См. *Seidman S.* The Postmodern Turn: New Perspectives on Social Theory. С. 1.

³³ **послужить делу прогресса в дальнейшем:** Ни одна из этих идей не нова. Фактически Стивен Хикс подробно описывает в своей книге «Понимание постмодернизма: скептицизм и социализм от Руссо до Фуко» (*Hicks S. R. C.* Understanding Postmodernism: Skepticism and Socialism from Rousseau to Foucault. Tempe, AZ: Scholargy Publishing, 2004), что они все –

относительное недавние проявления преемственности антипросвещенческой мысли, уходящей корнями в само Просвещение. Наша опора на собственные способности опосредовать знание была главной заботой Канта и Гегеля около двух столетий назад, например, и многое было написано о кантовской и гегелевской философии в связи с постмодернистской мыслью. Еще большее и более непосредственное значение для развития постмодернизма имели идеи Ницше и Хайдеггера о субъекте и природе реальности. Для тех, кто интересуется философскими предшественниками постмодернизма, будут ценны как книга Хикса, так и более ранняя работа Дэвида Детмера (*Detmer D. Challenging Postmodernism Philosophy and the Politics of Truth. Amherst, NY: Humanity Books, 2003*).

Два принципа и четыре сюжета

Постмодернистские мыслители придерживались поразительно разнообразных подходов к критике модернизма и мысли эпохи Просвещения, особенно когда дело касалось универсальных истин, объективного знания и индивидуальности. Но мы можем выделить несколько устойчивых сюжетов. Постмодернистский поворот включает в себя два неразрывно связанных главенствующих принципа – один в отношении знания, другой в отношении политики, – которые являются основанием четырех ключевых сюжетов. Вот эти принципы.

• **Постмодернистский принцип знания:** радикальный скептицизм в отношении возможности получения объективного знания или истины, а также приверженность культурному конструктивизму.

• **Постмодернистский политический принцип:** убеждение, что общество состоит из структур власти и иерархий, определяющих, что и как допустимо знать.

Четыре основных сюжета постмодернизма:

1. Размывание границ.
2. Власть языка.
3. Культурный релятивизм.
4. Утрата индивидуального и универсального.

Вместе вышеупомянутые шесть основных положений позволяют дать характеристику постмодернистскому мышлению и разобраться в том, как оно работает. Это ключевые принципы Теории, которые остались практически неизменными в ходе преобразования деконструктивистского и пессимистического раннего постмодернизма и его прикладных форм в крикливый, почти религиозный активизм, который мы наблюдаем сегодня. Описанный феномен, обязанный своим происхождением различным теоретическим подходам гуманитарных наук – в особенности тем, что обозначаются термином «культурные исследования», – и к настоящему моменту трансформировавшийся в постмодернистское учение о социальной справедливости, активизм и современную культуру, мы и намереваемся исследовать.

Постмодернистский принцип знания

Радикальный скептицизм в отношении возможности получения объективного знания или истины, а также приверженность культурному конструктивизму

Постмодернизм характеризуется радикальным скептицизмом в отношении доступности объективной истины. В Просвещении, модернизме и научной мысли объективная истина рассматривалась как нечто существующее, нечто, что можно бы приблизительно познать с помощью экспериментов, критериев фальсифицируемости и отменяемости³⁴. Постмодернистский же подход к знанию опирается на скромное, почти банальное зерно истины – мы ограничены в нашей способности знать и для того, чтобы выразить то, что знаем, вынуждены прибегать к помощи языка, понятий и категорий, – стремясь продемонстрировать, что *все* утверждения, претендующие на истинность, являются культурными конструктами, наделенными ценностью извне. Этот подход называется *культурным* или *социальным конструктивизмом*. В частности, научный метод он рассматривает не как лучший способ производства и легитимации знаний, а как один из множества культурно обусловленных подходов, столь же подверженный ошибкам мышления, как и любой другой.

Культурный конструктивизм – это не вера в то, что реальность *буквально* создается бытующими в культуре убеждениями. Например, если когда-то мы ошибочно верили, что Солнце вращается вокруг Земли, это не означает, что наши убеждения каким-либо образом влияли на Солнечную систему и ее динамику. Вместо этого он утверждает, что люди настолько прочно вписаны в рамки своих культур, что любые истины или знания являются всего лишь выражением этих культур: мы приняли решение, что факт вращения Земли вокруг Солнца «истинен» или «известен», просто *исходя из того, что мы устанавливаем в качестве истины в рамках актуальной для нас культуры*. То есть, несмотря на то что реальность не меняется в соответствии с нашими убеждениями, *изменчива* сама наша способность считать что-либо истинным в отношении этой реальности (или ложным, или «безумным»). Если бы мы принадлежали к культуре, которая по-иному производит и легитимизирует знание, то в рамках нашей культурной парадигмы «истиной» мог бы, допустим, считаться тот факт, что Солнце вращается вокруг Земли. Соответственно, и «сумасшедшими» бы тогда считались другие люди, несогласные уже с этой гипотезой.

Несмотря на то что утверждение «мы создаем реальность посредством наших культурных норм» не тождественно утверждению «мы устанавливаем, что истинно/известно, в соответствии с нашими культурными нормами», на практике между ними нет разницы. Постмодернистский подход к знанию отрицает, что соответствие объективной истины или знания реальности определяется посредством доказательств – независимо от эпохи или культуры, о которых идет речь, и независимо от того, считается ли доказательный метод лучшим способом определения истины в рамках этой культуры. Постмодернистский подход допускает существование объективной реальности, но делает акцент на препятствиях к познанию этой реаль-

³⁴ В первом случае в оригинале использовано *англ. falsification* – авторы, по-видимому, отсылает к критерию Поппера, согласно которому какая-либо теория может считаться научной лишь в том случае, если ее возможно опровергнуть в ходе эксперимента. Близкий в переводе термин «отменяемость» (*англ. defeasibility*) заимствован авторами из логико-юридического вокабуляра; в данном случае его следует понимать как возможность отмены или аннулирования тех или иных норм или понятий. Подробнее см. *Касаткин С. Н.* Приписывание прав и ответственности в концепции Герберта Л. А. Харта // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3. – *Прим. ред.*

ности, исследуя культурные предубеждения и гипотезы и выстраивая теории о том, как они работают³⁵.

Именно на это ссылается американский философ-постмодернист Ричард Рорти, когда пишет: «Мы должны различать утверждения о внеположенности мира от утверждений о внеположенности истины»³⁶. В этом смысле постмодернизм опирается на полный отказ от *корреспондентной теории истины*, то есть от точки зрения, согласно которой объективная истина существует и может быть установлена в качестве таковой на основании ее соответствия действительному положению вещей в мире³⁷. Существование «внеположенных» действительных истин об объективной реальности и возможность их познания человеком, разумеется, лежат в основе мышления эпохи Просвещения и имеют ключевое значение для развития науки. Глубоко радикальный скептицизм в отношении этой идеи является ключевым для постмодернистского представления о знании.

Французский философ Мишель Фуко – центральная фигура постмодернизма – высказывает аналогичное сомнение, когда утверждает, что «в культуре в данный момент всегда имеется лишь одна эпистема, определяющая условия возможности любого знания, проявляется ли оно в теории или незримо присутствует в практике»³⁸. Фуко особенно интересовали отношения между языком, или, точнее говоря, *дискурсом* (способом высказывания о вещах), производством знания и властью. На протяжении 1960-х годов он подробно исследовал эти идеи в ряде своих важных работ: «Безумие и цивилизация» (1961), «Рождение клиники» (1963), «Слова и вещи» (1966) и «Археология знания» (1969)³⁹. Согласно Фуко, высказывание раскрывает не только информацию, а еще и правила и условия дискурса. Они регулируют конструирование истины и знания. Доминирующие дискурсы обладают огромной властью, поскольку определяют, что можно считать истинным и, следовательно, уместным в определенном времени и месте. Таким образом, по мнению Фуко, решающий фактор определения истины – социополитическая власть, а не соответствие реальности. Фуко настолько интересовала концепция влияния власти на то, что считается знанием, что в 1981 году он ввел в оборот термин «власть-знание», чтобы выразить неразрывную связь между дискурсами власти и тем, что мы знаем. Фуко называл доминирующий набор идей и ценностей *эпистемой*, определяющей то, каким образом мы идентифицируем знание и как взаимодействуем с ним.

В работе «Слова и вещи» Фуко приводит аргументы против представлений об объективной истине и предлагает мыслить терминами «режимов истины», которые меняются в зависи-

³⁵ **теории о том, как они работают:** Кстати, это тот случай, когда постмодернисты сделали обоснованное наблюдение и использовали его для оправдания очень плохой философии. Правильно сказать, что наше знание о реальности зависит от ее моделей, которые мы выдвигаем для объяснения. Ошибочность постмодернистской точки зрения заключается в том, что это катастрофа для научного знания. И на самом деле этот факт не тревожит ни одного серьезного ученого или философа науки. Действительно, в своей книге «Высший замысел» Стивен Хокинг и Леонард Млодинов (*Хокинг С., Млодинов Л.* Высший замысел: Взгляд астрофизика на сотворение мира. М.: АСТ, 2017) объясняют способ интерпретации мира, который называют модельно-зависимым реализмом. При таком подходе мы формулируем в основном лингвистические конструкции «модели», которые объясняют явления, и исследуем показания, которые можем собрать, чтобы определить, насколько они согласуются с выдвинутыми моделями. Когда видно, что модель наилучшим образом объясняет имеющиеся данные и предсказывает новые результаты (а в точных науках, таких как физика, например, стандарты чрезвычайно требовательны), мы принимаем эти факты как условно истинные в контексте модели. Если будет разработана улучшенная модель, ученые смогут соответствующим образом изменить свое понимание мира, но эта кажущаяся гибкость на самом деле довольно жесткая и совсем не похожа на культурный конструктивизм. (Такую позицию основательно изложили философы науки Томас Кун и Уиллард Ван Орман Куайн).

³⁶ **утверждений о внеположенности истины:** См. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

³⁷ **действительному положению вещей в мире:** Рорти разобрал этот кейс десятью годами ранее. См. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997.

³⁸ **незримо присутствует в практике:** См. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. Хотя в других случаях Фуко, по-видимому, признавал то, что в обществе может быть более одной эпистемы, он последовательно понимал знание как продукт мощного аппарата, определяющего то, что может быть познано.

³⁹ **и «Археология знания» (1969):** *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2010; *Фуко М.* Рождение клиники. М.: Академический проект, 2010; *Фуко М.* Археология знания. М.: Гуманитарная Академия, 2004.

мости от эпистемы, присущей той или иной культуре и тому или иному времени. В результате Фуко приходит к тезису о том, что фундаментальных принципов познания истины не существует и любое знание «локально» для знающего⁴⁰ – именно эти представления лежат в основе постмодернистского принципа знания. Фуко не отрицал, что реальность существует, однако сомневался в способности людей выйти за границы своих культурных предубеждений достаточно далеко, чтобы добраться до нее.

Главный вывод из вышесказанного: постмодернистский скептицизм отличается от обычного скептицизма, который также можно назвать «обоснованным сомнением». Скептицизм, применяемый в науке и других точных способах производства знания, задается вопросом: «Как я могу убедиться, что данное положение истинно?» – и лишь в порядке эксперимента примет как предполагаемую истину (provisional truth) гипотезу, выдержавшую множественные попытки опровержения. К подобным положениям прибегают в условных моделях, чья ценность зависит от того, насколько хорошо они что-то объясняют или предсказывают. Скептический принцип, популярный среди постмодернистов, часто называют «радикальным скептицизмом». Он гласит: «Все знание сконструировано: по-настоящему интересно выдвигать теории о том, почему знание сконструировано именно таким образом». Тем самым радикальный скептицизм заметно отличается от научного скептицизма, характерного для эпохи Просвещения. Постмодернистский взгляд ошибочно настаивает на том, что научная мысль не отличается особой надежностью и точностью в определении того, что истинно, а что нет⁴¹. Научное рассуждение интерпретируется как *метанарратив* – всеобъемлющее объяснение того, как устроен мир, а ко всем подобным объяснениям постмодернизм подходит с позиции радикального скептицизма. В постмодернистском мышлении известное является таковым лишь в рамках культурной парадигмы, которая произвела данное знание и, следовательно, отражает ее структуры власти. Как следствие, постмодернизм расценивает любое знание как локальное и политическое по своей сути.

Подобный взгляд обычно приписывается французскому философу Жану-Франсуа Лиотару, выступавшему с критикой науки, Просвещения и марксизма. Для Лиотара каждый из этих проектов был ярким примером модернистского или просвещенческого метанарратива (sic). Лиотар опасался, что наука и технология были лишь «языковой игрой» – одним из способов легитимации истины – и подчиняли себе все остальные языковые игры. Он оплакивал утрату локальных малых «знаний», передаваемых в форме устных преданий, и считал, что вкупе со смыслообразующей функцией наука, отчужденная от других сфер знания, теряет и ценные нарративы. Его знаменитая характеристика постмодернизма как «скептицизма по отношению к метанарративам»⁴² оказала огромное влияние на развитие этой школы мысли, ее аналитического инструмента и мировоззрения.

В этом и состоял знаменательный вклад постмодернизма в знание и его производство. Постмодернизм не изобрел скептическую переоценку устоявшихся убеждений. Он оказался не способен уловить, что научные и другие формы либеральных суждений (вроде аргументов в

⁴⁰ любое знание «локально» для знающего: Это официально известно как антифундаментализм.

⁴¹ что истинно, а что нет: Алан Сокал и Жан Брикмон различают два типа скептицизма в своей книге «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна»: «Научный скептицизм не следует путать с радикальным. Важно тщательно различать два разных типа критики наук: те, что противопоставлены определенной теории и основаны на конкретных аргументах, и те, что в той или иной форме повторяют традиционные аргументы радикального скептицизма. Первые критические замечания могут быть интересны, но могут быть и опровергнуты, в то время как вторые хоть и неопровержимы, но и неинтересны (из-за универсальности). Если кто-то хочет внести вклад в науку, естественную или социальную, то он должен отказаться от радикальных сомнений относительно целесообразности логики или возможности познания мира посредством наблюдения и/или эксперимента. Конечно, всегда можно усомниться в конкретной теории. Но общие скептические аргументы, выдвигаемые в поддержку этих сомнений, неуместны именно из-за их обобщенности». См. Сокал А., Брикман Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом гуманитарной книги, 2002.

⁴² скептицизма по отношению к метанарративам: См. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.

пользу демократии и капитализма) являются не столько метанарративами (хотя могут стать их частью), сколько несовершенными, но самокорректирующимися процессами, применяющими продуктивную и действенную форму скептицизма ко всему, включая самих себя. Эта оплошность привела к столь же ошибочному политическому проекту.

Постмодернистский политический принцип

Убеждение, что общество состоит из структур власти и иерархий, определяющих, что и как допустимо знать

Политически постмодернизм характеризуется повышенным вниманием к власти как к направляющей и структурирующей силе общества – этот фокус опирается на отрицание возможности объективного знания. Власть и знание рассматриваются как неразрывно переплетенные явления – наиболее очевидным образом в работах Фуко, обозначающего знание термином «власть-знание». Лиотар также описывал «прочную взаимосвязь»⁴³ между языками науки, политики и этики, а Деррида особенно интересовал механизм власти, заложенный в иерархической бинарности господства и подчинения, которую он усматривал в языке. Схожим образом Жиль Делёз и Феликс Гваттари полагали, что люди *вписаны в код* различных структур власти и ограничений и вольны действовать свободно лишь в условиях капитализма и свободного денежного потока. В этом смысле, согласно постмодернистской Теории, именно власть решает не только что верно фактически, но и что правильно морально. Власть подразумевает господство, что плохо, а подчинение подразумевает угнетенность, от которой хорошо бы избавиться. В 1960-е годы эти взгляды царили в атмосфере парижской Сорбонны, оказавшей сильное интеллектуальное влияние на первых Теоретиков.

Особое внимание к механизму власти привело названных авторов к выводу, что обладающие ей одновременно намеренно и бессознательно выстроили общество максимально выгодным для себя образом – так, чтобы их привилегированные позиции оставались незыблемыми. Для этого они легитимировали определенные способы понимания истины, которые затем распространились по всему обществу, создав социальные правила, закрепившиеся на всех уровнях жизни под видом здравого смысла. Таким образом, власть постоянно укрепляется при помощи легитимных или навязанных дискурсов, включающих в себя представления о приличиях и аргументативном дискурсе, апелляции к объективным доказательствам и даже правила грамматики и синтаксиса. В результате постороннему наблюдателю сложно проникнуться постмодернистским подходом, поскольку он слишком похож на теорию заговора. Правда, те изошренные заговоры, на которые он намекает, в некотором смысле заговорами вовсе не являются, поскольку не подразумевают действующих лиц, скоординированно дергающих за ниточки; на самом деле в них принимает участие каждый из нас. Таким образом, Теория – это теория заговора без заговорщиков. В постмодернистской Теории власть не навязывается свыше, напрямую и открыто, как в марксистской системе, а пронизывает все уровни общества и осуществляется всеми нами посредством рутинных взаимодействий, ожиданий, условий социальной среды и сконструированных культурой дискурсов, выражающих определенное понимание мира. Все это обеспечивает контроль над тем, какие иерархии подлежат сохранению – скажем, посредством законодательства или легитимирующего механизма научных публикаций, – а также над системами, в которые мы встроены. Заметьте, в каждом из этих примеров источниками угнетения выставлены именно *социальная система* и присущий ей механизм власти, а не обладающие безусловной волей индивидуальные агенты. Таким образом, общество, его устройство или отдельные институты в определенном смысле могут рассматриваться как репрессивные структуры, даже если ни один из причастных к ним индивидов ни разу не проявил себя как сторонник угнетения.

⁴³ описывал «прочную взаимосвязь»: Лиотар описывает «прочную взаимосвязь» между языком науки и языком политики и этики. (Там же.)

Для постмодернистов ситуация угнетения не обязательно является результатом сознательного и согласованного заговора сторонников патриархальных и гетеронормативных взглядов, равно как и идеи превосходства белой расы. Они полагают, что это неизбежное следствие самоподдерживающихся систем, ставящих одни группы в привилегированное положение по отношению к другим – *бессознательный, рассогласованный заговор*, свойственный структурам, связанным с властью. Однако, по их мнению, эти системы действительно патриархальные, гетеронормативные и супрематистские⁴⁴, поэтому они неизбежно приводят к несправедливым преимуществам для гетеросексуальных белых западных мужчин, помогая им сохранить статус-кво и не учитывая интересы женщин, а также расовых и сексуальных меньшинств.

Проще говоря, одно из главных убеждений постмодернистской политической мысли состоит в том, что в обществе есть могущественные силы, разделяющие его на категории и иерархии в своих интересах. Они добиваются этого, предписывая, что допустимо говорить об обществе и его особенностях и что допустимо принимать в качестве истины. Например, требование представить доказательства и обоснования каких-либо утверждений будет рассматриваться сквозь призму постмодернистской Теории как предложение об участии в системе дискурсов и производства знания, созданной сильными мира сего, которые разработали эти методы, чтобы исключить альтернативные способы взаимодействия и производства «знания». Иными словами, Теория полагает, что наука выстроена таким образом, чтобы служить интересам своих основателей – белых мужчин западного происхождения – и при этом создавать препятствия для всех остальных. Цинизм в основании Теории очевиден.

Из-за сосредоточенности фокуса на изучении самовоспроизводящихся систем власти лишь немногие из первых Теоретиков ратовали за какие-либо конкретные политические меры, предпочитая им ироничную деконструкцию или нигилистическое отчаяние. На самом деле первые постмодернисты не верили в возможность значимых изменений по причине имманентной бессмысленности окружающего мира и культурно-релятивистской природы нравственности. Тем не менее через постмодернистскую Теорию красной нитью проходит левая идея о том, что репрессивные структуры власти сковывают человечество и должны быть подвергнуты критике. Это приводит к этическому императиву деконструировать, оспаривать, проблематизировать (отыскивать и раздувать внутренние проблемы) и отторгать все способы мышления, поддерживающие репрессивные структуры власти, категории, относящиеся к этим структурам, а также язык, способствующий их закреплению, – таким образом внедряя систему ценностей в то, что могло бы стать умеренно пригодной дескриптивной теорией.

Этот импульс вызывает параллельное стремление отдавать предпочтение нарративам, структурам и знанию маргинализированных групп. Фуко недвусмысленным образом говорит о неизменной опасности репрессивных систем:

Я не говорю, что все плохо, я говорю, что все опасно, а это не совсем то же самое. Если все опасно, тогда мы всегда должны что-то предпринимать. Поэтому моя позиция ведет не к апатии, а к гипертрофированному и пессимистическому активизму. Я считаю, что этико-политический выбор, который мы должны совершать каждый день, состоит в определении главной опасности⁴⁵.

Такое восприятие часто подается постмодернистскими Теоретиками как новаторское, но едва ли в нем есть что-то оригинальное, за исключением революционной направленности (во французском стиле). Постепенное формирование либеральной, светской демократии в эпоху Просвещения и Новое время характеризовалось борьбой против репрессивных сил и поиском

⁴⁴ От *англ.* white supremacy – идея превосходства белой расы над прочими. – *Прим. ред.*

⁴⁵ **в определении главной опасности:** См. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2 (65). С. 135–158.

свободы. Борьба против гегемонии католической церкви была прежде всего этическим и политическим конфликтом. Французская революция выступала против как церкви, так и монархии. Американская революция противостояла британскому колониальному владычеству и непредставительным формам правления. На протяжении всех этих предшествующих постмодернизму эпох такие институты, как, прежде всего, монархическое правление и рабство, затем патриархат и классовые системы и, наконец, принудительная гетеросексуальность, колониализм и расовая сегрегация, были опротестованы – и повержены – *либерализмом*. Наибольший прогресс был достигнут в 1960-х и 1970-х, когда расовая и гендерная дискриминация стала незаконной, а гомосексуальность была декриминализована. Все это случилось *до того*, как постмодернизм обрел свое влияние. Постмодернизм не изобретал нравственного противодействия репрессивным системам власти и иерархиям – в действительности наиболее значимый социальный и нравственный прогресс был достигнут в предшествующие постмодернизму и критикуемые им периоды. Движение к прогрессу продолжается и сегодня – методами либерализма.

Постмодернистский подход к этически обусловленной социальной критике неуловим, его невозможно опровергнуть научными методами. Как показывает пример радикального скептицизма, постмодернистская мысль опирается на принципы Теории и различные способы *восприятия* мира и не претендует на утверждение истины. Отвергая объективную истину и рациональное восприятие, постмодернизм отказывается обосновывать себя, и поэтому его невозможно опровергнуть. Постмодернистское восприятие, пишет Лиотар, не претендует на истинность: «Не стоит придавать ему прогностическую ценность в отношении реальности, она скорее стратегическая и в отношении поставленного вопроса»⁴⁶. Другими словами, для достижения собственных целей – нравственно добродетельных и политически целесообразных, согласно ее же собственному определению, – постмодернистская Теория стремится не к фактической истинности, а к стратегической полезности.

Подобный обобщенный скептицизм в отношении объективности истины и знания – а также стремление рассматривать их в качестве культурных конструктов – ведет к четырем основным сюжетам постмодернизма: размыванию границ, власти языка, культурному релятивизму и утрате индивидуального и универсального в пользу групповой идентичности.

1. Размывание границ

Радикальный скептицизм в отношении достижимости объективной истины и знания в сочетании с верой в культурный конструктивизм на службе власти порождает подозрение к любым границам и категориям, которые были общепринятыми истинами для мыслителей, предшествовавших постмодернизму. Речь не только о границах между объективным и субъективным, а также между истиной и верой, но и границах между наукой и искусством (главным образом для Лиотара), естественным и искусственным (в особенности для Бодрийяра и Джеймисона), «высокой» и «низкой» культурой (у Джеймисона), человеком и другими животными, а также человеком и машиной (у Делёза), а кроме того, между различными пониманиями сексуальности и гендера, а также здоровьем и болезнью (прежде всего у Фуко). Почти каждая социально значимая категория была умышленно усложнена и проблематизирована Теоретиками постмодернизма с намерением лишить ее действительной валидности и подорвать системы власти, которые могли бы сложиться вокруг нее.

⁴⁶ в отношении поставленного вопроса: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.

2. Власть языка

В рамках постмодернизма многие представления, ранее считавшиеся объективно истинными, стали рассматриваться всего лишь как языковые конструкции. Фуко называет их конструирующими знание «дискурсами»; Лиотар, развивая мысль Витгенштейна, – легитимирующими знание «языковыми играми». Постмодернистская мысль полагает, что язык обладает могущественной властью над обществом и нашим мышлением и поэтому он опасен по своей сути. Кроме того, она находит его весьма ненадежным способом производства и передачи знания.

Одержимость языком лежит в основе постмодернистского мышления и крайне важна для его методов. Немногие мыслители демонстрируют столь же ярко выраженную невротическую постмодернистскую фиксацию на словах, как Жак Деррида, который в 1967 году опубликовал три текста – «О грамматологии», «Письмо и различие» и «Голос и феномен», – в которых представил понятие, получившее огромное влияние в рамках постмодернизма: *деконструкцию*. В упомянутых работах Деррида отвергает расхожее представление о том, что слова напрямую отсылают к вещам в реальном мире⁴⁷. Вместо этого он настаивает, что слова отсылают только к другим словам, а также к тому, что отличает их друг от друга, образуя таким образом цепочки «означающих», способные расходиться во всех направлениях без какой-либо точки опоры, – таков смысл его знаменитой и зачастую неправильно переводимой фразы: «Нет ничего [читай: никакого смысла. – Прим. авт.] вне текста»⁴⁸. Для Деррида смысл всегда реляционен и отсрочен; он никогда не может быть достигнут и существует только в отношении дискурса, в который встроен. Подобная ненадежность языка, утверждает Деррида, означает, что он не способен отразить реальность или довести ее до сознания других.

В таком понимании язык оперирует иерархическими бинарными структурами, в которых один из элементов всегда ставится выше другого и таким образом наделяется смыслом. Например, «мужчина» определяется противопоставленностью «женщине» и по отношению к ней воспринимается как нечто вышестоящее. Кроме того, по мнению Деррида, смысл, который вкладывает говорящий, не обладает приоритетом над интерпретацией слушающего, и потому намерение не способно перевесить воздействие. Таким образом, если говорящий утверждает, что определенные особенности культуры могут стать источником проблем, а я принимаю решение интерпретировать данное утверждение как скрытый намек на неполноценность этой культуры и счесть его за оскорбление, дерридианский подход не предоставляет возможности списать мои оскорбленные чувства на неправильное понимание сказанного. Намерения автора не играют роли, даже если известны, – здесь Деррида переосмысляет концепцию «смерти автора» Ролана Барта⁴⁹. Следовательно, поскольку полагается, что дискурсы создают и поддерживают угнетение, их необходимо внимательно отслеживать и деконструировать. Это очевидным образом имеет свои последствия в политике и морали. Наиболее распространенное постмодернистское решение вытекает из предложенного Деррида «деконструктивистского» прочтения, заключающегося в поиске внутренних несоответствий (*анорий*), где текст вступает в противоречие и компрометирует сам себя и свой внутренний замысел, – в результате слова изучаются с повышенным вниманием (или даже с чрезмерным, а также, особенно с 1990-х годов, с учетом

⁴⁷ **к вещам в реальном мире:** В частности, Деррида отверг идею о том, что «означающее» (письменное или устное слово) непосредственно относится к «означаемому» (смыслу, идее или объекту, о котором оно стремится сообщить), и вместо этого рассматривал слова как отношения. Например, он утверждал, что «дом» следует понимать в контексте «хижины» (меньше) и «поместье» (больше), ведь вне этих отношений он не имеет явного смысла.

⁴⁸ **нет ничего вне текста:** См. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.

⁴⁹ **концепцию «смерти автора» Ролана Барта:** См. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

нормативной повестки Теории). Таким образом, на практике деконструктивистский подход к языку крайне напоминает цепляние к словам, умышленно уводящее от сути.

3. Культурный релятивизм

Поскольку в постмодернистской Теории существует убеждение, что истина и знание конструируются доминирующими внутри общества дискурсами и языковыми играми, а мы не способны выйти за пределы наших собственных систем и категорий и, следовательно, занять выгодную для их изучения точку обзора, Теория настаивает, что ни один из всех возможных наборов культурных норм не может быть признан лучшим. Для постмодернистов любая осмысленная критика ценностей и этики какой-либо культуры из позиции другой культуры невозможна, поскольку каждая культура оперирует различными концепциями знания и исходит исключительно из собственных предубеждений. Поэтому любая подобная критика в лучшем случае ошибочна, а в худшем – является нарушением этических правил, поскольку предполагает объективное превосходство культуры критикующего. Более того, Теория настаивает на том, что, хотя критика собственной культуры изнутри возможна, артикулировать ее приходится лишь инструментами доступных в этой системе дискурсов, а это ограничивает ее способность что-либо менять. Используемые дискурсы во многом определяются позицией человека внутри системы, поэтому критика может быть принята или отвергнута в зависимости от политической оценки статуса позиции критикующего. В частности, от критики, артикулированной с позиции, которую можно счесть властной, часто отмахиваются, ведь, согласно Теории, она по определению либо некомпетентна в вопросах существующих реалий угнетения (или пренебрегает ими), либо пытается цинично послужить собственным интересам критикующего. Постмодернистское убеждение в том, что люди являются проводниками дискурсов власти сообразно позициям, занимаемым по отношению к ней, делает культурную критику совершенно бессмысленной, за исключением случаев, когда она становится оружием в руках тех, кого Теория относит к маргинализированным или угнетенным группам.

4. Утрата индивидуального и универсального

Следовательно, Теоретики постмодернизма считают понятие независимого индивида в значительной степени вымышленным. Подобно всему остальному, индивидуальность – это продукт властных дискурсов и культурно сконструированного знания. Равным образом, для них концепция универсального – будь то биологическая универсалия человеческой природы или моральная универсалия вроде равных прав, свобод и возможностей для всех индивидов вне зависимости от класса, расы, гендера или сексуальности – в лучшем случае наивна. В худшем случае это просто еще одно проявление власти-знания, попытка навязать доминирующие дискурсы всему обществу. Постмодернистский взгляд, по большому счету, отвергает как наименьшую единицу общества – индивида, так и наибольшую – человечество и вместо этого сосредотачивает свое внимание на небольших локальных группах как на производителях знания, систем ценностей и дискурсов. Поэтому постмодернизм фокусируется на группах людей, которые, как считается, позиционированы в обществе одним и тем же образом – например, исходя из расы, пола или класса – и в силу этого обладают одинаковым опытом и восприятием.

Разве постмодернизм не мертв?

Среди многих мыслителей сегодня преобладает мнение, что постмодернизм умер. Мы так не считаем. Мы полагаем, что он просто возмужал, мутировал (как минимум дважды с момента своего возникновения в 1960-е годы) и эволюционировал и что два его знаковых принципа и четыре сюжета, подробно описанные выше, по-прежнему вездесущи и оказывают влияние на культуру. Теория уцелела, однако способы изложения и использования ее основных принципов и сюжетов, равно как и способы взаимодействия с ними, за последние полвека претерпели существенные изменения. Именно Теория в том виде, в котором она практикуется в настоящее время, более всего волнует нас – ей и посвящены остальные части этой книги. Однако прежде, чем объяснить, как развивалась Теория, мы должны развеять распространенный миф о том, что постмодернизм умер двадцать – тридцать лет назад.

Существует много споров о том, когда именно наступила предполагаемая смерть постмодернизма. Некоторые утверждают, что он изжил себя в 1990-х, уступив место постколониализму; другие – что это произошло 11 сентября 2001 года, когда мы вступили в новую эпоху, характер которой еще предстоит определить. Безусловно, разрастание корпуса постмодернистских текстов, происходившее во второй половине 1960-х, 1970-х и большей части 1980-х годов, не продолжилось в 1990-е. Ранние формы постмодернизма – с их предельной бессмысленностью, бесцельностью и желанием исключительно деконструировать, подрывать и проблематизировать, не предоставляя никаких ресурсов для реконструирования, – примерно столько и просуществовали. В этом смысле *высокая деконструктивистская фаза* постмодернистской Теории исчерпала себя к середине 1980-х. Но закончились ли на этом постмодернизм и Теория? Нет. Идеи, изложенные в этой главе, развивались и расходились в разных направлениях, становясь более ориентированными на результат и применимыми на практике и превратившись в циничные Теории, с которыми нам приходится сосуществовать сегодня. По этой причине мы называем следующую волну академического активизма (activism-scholarship) *прикладным постмодернизмом* – и переключаем на него наше внимание.

2. Прикладной поворот постмодернизма

Превращая угнетение в реальность

Впервые постмодернизм ворвался на интеллектуальную сцену в конце 1960-х годов и быстро завоевал дикую популярность среди левых или симпатизирующих левым сотрудников академии. Новомодное интеллектуальное веяние набирало обороты, а захваченные им неопиты погрузились в работу и стали клепать кипы радикально скептических текстов, в которых без разбора критиковали и деконструировали существующее знание и способы его достижения, понятые как часть западной модерности. Старые религии (в самом широком смысле этого слова) необходимо было выкорчевать. Представления о том, что мы способны познать объективную реальность и что нечто, называемое нами «истиной», определенным образом соответствует ей, отправились на плаху. А вместе с ними и гипотезы, на которых была выстроена модерность. Постмодернисты стремились показать абсурдность наших способов понимания мира и общества, сближения с ними и существования в них. Оказавшись не только модным, но и влиятельным, этот подход тем не менее достиг своих пределов. Нескончаемый демонтаж и развал – или, как они это называли, *деконструкция*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.